

ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ //

СЛУГИ ГОСПОДНИ

Продолжение. Начало в № 89

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз о церковной жизни Балакова и о его церковно-служителях. В последнем номере мы рассказали о службе в Троицкой церкви села Балаково священника Александра Юнгера, который в начале XXI века был причислен к лику святых.

«СКРЫТАЯ УГРОЗА»

Господствующая православная церковь всегда активно боролась с раскольниками: то угорами, то репрессиями. Чтобы подчинить себе строптивцев, она даже придумала некий синтез двух вер – единоверие: старообрядцам разрешалось жить по своим обычаям и молиться по своим обрядам, но только в случае признания главенства Московской Патриархии. С одной стороны, это было уступкой раскольникам, с другой – развязывало руки в борьбе с наиболее яркими сторонниками самобытности и самостоятельности старой веры: мол, мы идём вам навстречу, а вы сопротивляйтесь, неблагодарные.

Под флагом единоверия довольно быстро, всего за каких-то 10 лет, удалось расправиться с Иргизской старообрядческой твердыней. Все пять раскольничьих монастырей упразднили. Причём, как мы уже рассказывали, жителей Средне-Никольского монастыря и их сторонников из соседних сёл, вставших на защиту своей святыни, разгоняли кулаками, дубинами и водой из брандспойтов.

После разгона иноки раскольничьи разбрелись по всей приволжской округе. Их вылавливали то в одном месте, то в другом. Главное, чего от них требовалось: веровать – веруй, но других с толку не сбивай и службы не веди, чтобы даже те, в ком ещё сохранились остатки старой веры, о ней поскорее забыли. Однако большого проку от этих гонений не было. Если уж языческие колядки, гадания и масленичные гуляния из русского народа вытравить не удалось, то что уж говорить о тех обрядах, с которых, собственно, и начиналась христианская Древняя Русь: со времени крещения её великим князем Владимиром в 988 году (конец X века) до церковной реформы середины XVII века прошло семь с лишним столетий, а со времени церковной реформы, т. е. раскола, до середины XIX-го – всего два. Борьба осложнялась и тем, что среди раскольников было немало богатых людей, которые и укрывали своих одноверцев. Одним из таких людей был рязанский купец 3-й гильдии Михаил Трофимович Мальцев, который перебрался в Николаевский уезд и открыл в Балакове салотопенный завод, т. е. небольшое предприятие по производству сала.

В Самарском архиве сохранился рапорт чиновника по особым поручениям Васильева Самарскому губернатору от 30 сентября 1849 года, которым он сообщал о результатах обыска в Балакове и Николаевске: «Во исполнение предписания Ваше-

го Превосходительства от 25 сего сентября за № 2102, прибыв с г. штабс-капитаном корпуса жандармов Фон-дер-Паленом в г. Вольск и получив здесь сведения, что купец Мальцев не живёт в Балакове и близ оного у него нет никакого хутора, но есть огромный салотопенный и бойный завод при выезде из Балакова, на котором множество рабочих, мы, взяв с собою несколько солдат инвалидной команды, будто бы для поисков в близлежащем лесу и оврагах указанных преступником Гусевым его сообщников, прибыли в с. Терсу, где взяли понятых для той же, выдуманной надобности, и таким образом, совершенно секретно для всех, ночью переправились за Волгу. Достигнув завода Мальцева в совершенной тишине, окружили оный солдатами и понатыми и приступили к обыску.

рые другие атрибуты «запретного» богослужения.

А при обыске в николаевской мальцевской усадьбе на заднем дворе был найден особый флигель, в котором жили крестьянки-раскольницы с. Толстовки Анна Фролова и Федосья Яковлева.

В этом флигеле – «в переднем углу, в один ряд – 3 иконы, из коих две старинные, написанные по-раскольнически, пред ними висит лампада». Около флигеля была землянка, из сеней которой особый ход вёл к небольшому погребку. Кроме того, на территории усадьбы, на берегу Иргиза, была «устроена лазейка, в которую удобно можно человеку спрятаться, а потом вылезти вон; в самой ей найден мешок с сухарями, глиняная кадилница, два медных образа и ставенёк с ладаном».

Какое наказание за всё это получил Мальцев, неизвестно. Скорее всего, Михаил Трофимович просто откупился. Денег у него было много, и уже к концу 50-х гг. XIX в. он становится одним из богатейших раскольников Самарского Заволжья, при-

Усадьба М. Мальцева в Николаевске (Пугачёве), совр. вид.

Беглых попов не оказалось, но найдено 15 человек без письменных видов и 12 с просроченными видами. Тут же взят сам Мальцев. Прикащик (так в тексте. – Ю.К.) его, рязанский мещанин Сидоров, – раскольник, совратившийся из православия. Тут же проживают ещё двое рязанских мещан-раскольников.

После этого, ни мало не мешкая, взяв с собой Мальцева, отправились в Николаевск и на рассвете другого дня сделали внезапный обыск в его доме и особой усадьбе. Вместе с тем узнали, что на дворе Николаевского мещанина Ивана Решетова бывают собрания раскольников, тотчас обратились с обыском и туда и действительно нашли моленную с живущими при ней раскольничьими инокинями.

За сим мы на следующий день отправились на дальний хутор Мальцева, за 100 вёрст от Николаевска, после имеем осмотреть хутор Решетова и о дальнейших последствиях этих розысканий, незамедлительно донесём...».

Среди вещей, найденных в Балакове, – 17 писем, «из которых видно сношение Мальцева и его прикащиков с их родственниками и другими раскольниками, клонящееся к поддержанию раскола»; 9 раскольничьих книг, 17 медных образов, 2 подстилки, на которых молились раскольники, и некото-

купив огромное количество земель в Николаевском уезде.

Боязнь влияния раскольников была столь велика, что при деревнях, не имеющих своих храмов, в спешном порядке стали создаваться православные причты.

Такой причт появился в 1836 году и в деревне Широкая Селитьба («Натальина тож»), которая находилась в нескольких километрах от Балакова. Активно хлопотала о его открытии вдова владельца деревни Виктора Павловича Кочубея Мария Васильевна.

Первым Натальинским священником стал Алексей Егорович Павперов, а диаконом – Михаил Кузьмич Голубев. Первые годы им пришлось служить в наскоро сооружённой часовне. Кроме того, им было поручено обучать крестьянских детей грамоте и Закону Божию.

За это барыня платила священнику 180 руб. в год, а диакону – 120, снабжая «сверх того на каждую душу хлеба в месяц по две меры, полагая в то число меру пшеницы и меру ржи (мера равнялась примерно 25 с половиной килограммов), и для каждой семьи нужный корм на одну корову и одну лошадь».

Юрий КАРГИН
Продолжение следует